

Лиру давай

Авторский вечер Леонида Десятникова в Смольном соборе рекомендует Дмитрий Ренанский

Полина Осетинская

ЛЕТНИЙ АВТОРСКИЙ ВЕЧЕР ЛЕОНИДА ДЕСЯТНИКОВА сложился из раритетов с поэтическим уклоном: превосходный камерный хор Владимира Беглецова и ансамбль проверенных солистов под управлением Алексея Горибола сыграют программу омажей Державину, Пушкину и Ломоносову. «Дар» и «Пинежское сказание о дуэли и смерти Пушкина» созданы четверть века назад, но сегодня воспринимаются как молодые да ранние — в обоих уже виден зрелый Десятников.

Вот, например, «Дар» на текст Гаврилы Романовича Державина, хорошего не жди. Обязательно подсунут что-нибудь. Поначалу композитор, казалось бы, оправдывает худшие опасения возвышенно-трескучего и приподнято-фанфаронского: заводит пышный старинный кант со знаменным распевом на бэк-вокале, рассыпает златобисерные комбинации ро-

яля и арфы, полирует псевдо-неоклассический глянец квази-неосентиментализмом. Однако сквозь рюши первого «нео» проглядывают мускулы «Симфонии псалмов» Стравинского, а второе приправлено битовой пульсацией и гомеопатическими дозами танго. Наполовину в шутку музыка обмахивается веерами, строит глазки и кокетничает одновременно с собственной историей и с публикой. Цитата развесистого арфового соло из «Спящей красавицы» Чайковского предваряет угарный галоп с икающим хором, цыганской скрипкой и слащавым тенором. Лучшего противоядия для державинского «Вот, — сказал мне Аполлон, — Я даю тебе ту лиру...» трудно и придумать. Получается точь-в-точь по Гоголю: у Десятникова, как и у Державина, обостренный вкус к «необыкновенным соединениям самых высоких слов с самыми низкими».

Кружево постмодернистского кроссворда «Пинежского сказания» вроде бы из той же оперы; хотя сразу и не упомянешь, из какого конкретно источника изливается этот романсик под бряцание электрогитары. Но Державина Десятников кое-где все же перелагает всерьез, позволяя себе подобие прямого высказывания. А «Пинежское» с русским народным вокальным ансамблем и чтицей-сказительницей — упительный фейк от первой до последней ноты. Такой же, как и сам текст кантаты: писатель Борис

Шергин пересказал пинежанкам пушкинскую биографию, те ее переварили в сказ про Олександрюшку, Дантеста и Наташку. Шергин развязывает Десятникову руки, и он с особой циничностью кладет всяко лыко в нотную строку. Секундантом на дуэли мечется Владимир Ленский, солнце русской поэзии заходит под риффы рок-н-рольного реквиема, душа поэта возносится под финальный перезвон из Пятнадцатой симфонии Шостаковича. Пушкину как народному герою кланяется «Весна священная», а как герою романтического — тахикардия струнных из «Неоконченной» Шуберта.

Напоследок дают российскую премьеру «Утреннего размышления о Божием величестве», самого свежего сочинения композитора, написанного по заказу латышского хора Камер для проекта «Солнечные песни мира» и впервые исполненного год назад в Риге. Это шесть минут блаженства без всяких кавычек и -измов, шедевр, в своей гармонии подобный улице Росси. Лучающаяся северным сиянием и полифонически вибрирующая хоровая плазма идеально идет проблемной акустике Смольного собора. Классицизм в барочном храме — это тоже должно пойти другу парадоксов Десятникову.

Смольный собор, 26 июня, 19.00

Алексей Гориболь

Античная конница

«Троянцы» Гектора Берлиоза в Мариинке-3 предсказывает Дмитрий Ренанский

ЕЩЕ ОДНО очень большое произведение имеет шанс войти в мариинский репертуар. Валерий Гергиев дает в концертном исполнении оперную дилогию Гектора Берлиоза по вергилиевской «Энеиде». Строго говоря, никакой дилогии композитор не писал. Просто опера получилась у него очень длинная; в конце 1860-х европейская музыкальная общественность еще не была нагретирована Вагнером на такой крупняк, и пятиактных «Троянцев» пришлось разбить на две неравные части, «Взятие Трои» (полтора часа) и «Троянцев в Карфагене» (два с половиной часа). Берлиозовская *mania grandiosa* Гергиеву близка и понятна, будь то «Фантастическая симфония», «Осуждение Фауста», Реквием или «Бенвенуто Челлини». Для комплекта best of Berlioz до последнего вре-

мени не хватало только «Троянцев». Пусть и сыгранных в два вечера.

Предпоследняя опера Берлиоза — редчайший гость не только на театральной, но и на концертной сцене. Правда, как раз в Петербурге его уже играли и даже поставили — редкий случай, когда Мариинку обошли по части оперных раритетов. Сделали это соседи: десять лет назад впервые в России «Троянцы» прозвучали в оперном театре Консерватории в мощной театральной интерпретации Виктора Крамера и Александра Шишкина и из-под палочки Сергея Стадлера. Так что сделать «Троянцев» для Валерия Гергиева — дело чести. Там больше двух десятков сольных партий: есть в чем показать трушу, успешно освоившую искусство оперно-

го стайерства на вагнеровском материале. Тем более что сам Берлиоз считал свой эпос французским ответом Вагнеру, а Мариинка уже освоила корпус основных вагнеровских опер.

За нынешним концертным исполнением должна последовать и полноценная постановка, она обещана на будущий сезон. Кстати, весной 2010 года «Троянцев» выпустит и амстердамская De Nederlandse Opera, режиссером там Пьер Ауди, сценографом Георгий Цыпин. А Гергиев ведет переговоры о совместной продукции с каталонской театральной группой La Fuga dels Baus. Эта компания уже ставила «Осуждение Фауста», делала перформанс на музыку «Фантастической симфонии», и мегаломания каталонцев очень подхо-

дит к берлиозовскому стилю *al fresco*. Если проект удастся, это будет серьезное европейское событие, поскольку сценические реализации «Троянцев» столь малочисленны, что не приходится говорить о каких бы то ни было постановочных традициях. Зато есть с чем сравнивать в музыкальном смысле: мариинцам придется попотеть, чтобы предложить нечто конкурентоспособное двум записям, выпущенным с более чем тридцатилетним промежутком. Первую, довольно тяжеловесную трактовку Колина Дэвиса, превзойти, видимо, не очень сложно; не то со второй — фантастически полетной аутентичной версией Джона Элиота Гардинера.

Концертный зал Мариинского театра, 22 и 24 июня, 19.00